

Видя, что встречный отряд приближается, Тёмный цзяо предупредительно потоптался на месте. Его мощное, упитанное тело, отсыревшее под мелким дождём и туманом, лоснилось чёрной шерстью, сравнимой с твёрдой чешуёй дракона после превращения. Короткое ржание заставило всех лошадей противника разом замереть, беспокойно замахав хвостами.

Заместитель неожиданно грохнулся вперёд. Он поспешно натянул поводья и начал кричать: «Как вы смее! Вы кто такие...» — не успев договорить, как его лошадь вновь дёрнулась, сначала скосив его набок в седле, а затем, из-за недостатка сил в руках, сбросив на землю с глухим стуком.

Лю Сюаньань был чрезвычайно удивлён.

Ты что, даже ездить верхом не умеешь?

Остальные солдаты поспешили поднять своего заместителя. Один из них, бывший конюх, дрожа, шепнул ему на ухо, что эта вороная, кажется, и есть легендарный скакун Тёмный цзяо.

«Какой цзяо...» — заместитель, всё ещё пылая от злобы и стыда, сначала не сообразил, но, выговорив это, вдруг окаменел, и по нему пробежали мурашки. Дрожа, он поднял голову и наконец увидел на Тёмном цзяо второго всадника, подобного небесному воителю. Колени у него тут же подкосились, что оказалось кстати для падения ниц: «Е-е-е... Его Высочество князь Сяо».

Гао Линь не стал тратить слов: «Позови Люй Сяна».

«Слушаюсь!» — заместитель, поднявшись, вскарабкался на коня и, не задавая лишних вопросов, помчался прочь, не переводя дух.

Люй Сян всё ещё ждал вестей, когда вдруг увидел, как тот возвращается, перепачканный, с землистым лицом, от него несло зловонием — оказалось, от страха обмочился. Люй Сян сразу догадался, кто преградил путь, и лишь зло выругался: «Бесполезный отродок, только позор на мою голову!» — после чего отшвырнул его ногой, сам привёл в порядок доспехи, взял с собой личную охрану и отправился навстречу князю Сяо.

К тому времени мелкий дождь уже прекратился. Лю Сюаньань хотел снять капюшон, но Лян Шу удержал его руку, ещё больше надвинув край: «Спи себе. Глядеть на эту грязь — только зря».

«...»

«Грязь» поспешно подъехала, натянула поводья и тут же склонилась в поклоне: «Ваш подчинённый приветствует Ваше Высочество».

«Поднимайся, — сказал Лян Шу. — Садись на коня. Сначала о делах».

«Слушаюсь». Люй Сян к этому подготовился. Всё-таки он выходец из знатной семьи, в молодости слыл украшением столицы, манеры и красноречие были на уровне — по крайней мере, с виду на полного бездарь не походил. Он выложил заранее заготовленную речь, где ложь перемежалась с правдой в пропорции восемь к двум. Правдой были недавние действия Хуан Вансяня, ложью — сокрытие собственных промахов.

Впрочем, Лян Шу и не собирался сейчас с ним сводить счёты. Он лишь спросил: «Как планируешь действовать, командующий Люй?»

Люй Сян ответил: «Чтобы схватить разбойников, сначала нужно поймать главаря. Атакуем Саньшуй».

Лян Шу взял у Гао Линя кожаный свиток и небрежно швырнул его Люй Сяну: «Отдай приказ: армия меняет маршрут на Фоя и атакует Цинъян».

«Слушаюсь!» — Люй Сян поймал свиток, развернул и долго не мог понять. — «Всё это дерево, воловья кожа и отборные солдаты... нужно подготовить за пять дней?»

«Есть проблемы?»

«Никак нет!»

Люй Сян, не зная подоплёки, не смел спрашивать лишнего. Стиснув зубы, он принял задание и сопровождал Лян Шу обратно в расположение войск.

С появлением князя Сяо боевой дух армии моментально взлетел в десятки раз. Лю Сюаньань явственно ощущал эту перемену. Если прежде войско было подобно твёрдому камню, то теперь его словно обволокла раскалённая лава, освещающая всё небо багровым заревом.

Заместитель несколько дней пребывал в тревоге, но, видя, что князь Сяо, похоже, не собирается его допекать, целиком поглощённый военными делами, постепенно успокоился. Он даже утешал себя: разве бывает война без реквизиций? Ничего уж такого страшного он не совершал, нечего и бояться.

У него даже хватило наглости разыскать Гао Линя и с пафосом расписать ему пол-дня свою «пламенную любовь к родине».

Гао Линь выслушал всё с предельным терпением, сначала выразил согласие, а затем благодушно изрёк: «Раз так, товарищ заместитель Ли, ступай-ка помогай лес рубить. Там как раз руки нужны, да и пример другим подашь». С этими словами он махнул рукой, подозвав двух стражников, которые без лишних слов «пригласили» того в лес. Сам же Гао Линь отправился к Люй Сяну и принялся нахваливать столь самоотверженный и не боящийся тягот выбор.

Люй Сян на поверхности лишь поддакивал, в душе же не верил ни единому слову. Он понял, что Гао Линь намеренно устраивает проволочки. Вообще-то ему было неважно, отправят ли его никчёмных подчинённых рубить лес или копать уголь. Беспокоило другое: почему именно люди из резиденции князя Сяо взялись за них? Неужто прознали что-то?

Поэтому он выкроил момент и навестил заместителя в лесу. От грязной работы чистым не останешься, все были в земле, но заместитель Ли, привыкший к неге, выделялся особенно: ладони стёрты до крови, ноги повреждены. Он горько плакался и умолял: «Командир, спасите!»

Люй Сян спросил, в чём дело. Заместитель Ли сначала юлил, но после долгих уговоров сознался, что хотел подольститься к заместителю командующего Гао, но вместо этого угодил на рубку леса.

«Дурак!» — отругал его Люй Сян, но на душе полегчало. Видимо, просто пёс не в тот угол ластился, а не потому, что что-то вскрылось. Он кое-как утешил подчинённого, пообещав после большой победы выхлопотать ему награду перед императором, и отослал обратно на работу.

Вся армия двигалась быстро. Поскольку к Лян Шу постоянно кто-то обращался, всё это время Лю Сюаньань ехал на своей лошади. Когда же сон окончательно одолевал его, он забирался в повозку с провиантом и там вздремнуть, а вылезал оттуда часто с соломинками в волосах.

Окружающие солдаты смеялись. Они уже знали, что это тот самый «ленивый, потрясший Поднебесную» второй господин Лю, поэтому относились к его сонным привычкам с великой снисходительностью. Лю Сюаньань тоже улыбался. Ему нравились эти полные жизни молодые ребята, куда приятнее глазу, чем те, что притесняли народ. Он сладко потянулся, вскарабкался обратно рядом с возницей и принялся болтать со всеми.

Люй Сян, однако, забеспокоился и подослал в эту компанию своего доверенного человека — посмотреть, не выведывает ли Лю Сюаньань чего. В результате доверенное лицо было вынуждено целый день слушать про «одно рождает два, два рождает три, три рождает всю тьму вещей», а ещё про «не только своих родителей почитать, не только своих детей любить». Возвращался он с совершенно пустой головой, ничего не запомнив. Поломав мозги, он наконец выдал из себя: «Маленькую вдову кто-то содержит».

Люй Сян чуть не харкнул кровью от злости.

Он отправился послушать лично. Как раз Лю Сюаньань говорил о том, что вдовы, сироты и одинокие не будут обделены заботой.

Вообще-то эти высокопарные речи и оторванные от жизни рассуждения о великом Дао понимали немногие из воинов. Но им нравилось, как говорит Лю Сюаньань: неторопливо, спокойно, словно родниковая вода, тихо описывая хорошую жизнь после войны, когда на ночь двери не запирают и все ремёсла процветают.

Люй Сян подумал: «Так, просто книжный червь».

Войско вскоре подошло к самым границам Цинъяна.

В тот вечер Лю Сюаньань снова прикорнул в повозке с провиантом. Посреди сна ему почудилось, будто началось землетрясение, и он машинально схватился за воздух, формально пробуждаясь.

А-Нин воочию наблюдал, как князь взвалил его господина на плечо и унёс в лес, и мог только глубоко вздохнуть.

Почему каждый раз именно так? Неужели нельзя сначала дать мне его разбудить?

«Вставай», — позвал Лян Шу.

Лю Сюаньань что-то промычал, пробуждаясь не до конца.

Лян Шу поставил его на землю: «Все тебя ждут».

Лю Сюаньань подумал: «Зачем я им?» — зевнул и по-прежнему не желал шевелиться.

Лян Шу брызнул ему в лицо струйкой воды.

Лю Сюаньань: «Апчхи!»

Он с трудом приоткрыл глазки щёлочкой, увидел перед собой князя Сяо и из вежливости расширил эту щёлочку, уставившись на него.

Лян Шу повернул его голову в другую сторону.

Звёзды, словно серебряная река, сверкали на небе. А посреди этой реки бесчисленные гигантские серебристые птицы расправляли крылья и кружили в полёте, одна за другой рассекая небосвод. Сначала Лю Сюаньань не увидел ничего странного — в его мире подобные чудеса были делом самым обычным и удивляться тут было нечему. Но очень скоро он спохватился: «Стоп, а ведь это же не так!»

Тут его глаза наконец раскрылись полностью, стали круглыми, как у А-Нина. Он бросился вперёд, чтобы рассмотреть всё вблизи.

<http://bllate.org/book/16268/1464345>